

ПОД ЗАНАВЕС ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

«Виртуозы Москвы» наконец-то в Москве

Ольга Романцова

ДЕКАБРЬСКУЮ музыкальную афишу так же трудно представить без концертов Владимира Спивакова, как празднование Нового года без боя курантов. Три концерта, состоявшихся в БЗК, стали настоящим новогодним подарком для поклонников замечательного музыканта и примирили их с критическими настроенными скептиками. Концерты стали настоящим путешествием во времени и музыкальным стилем уходящего тысячелетия.

Первые два вечера в БЗК царили «Виртуозы Москвы». В их программе звучала классическая музыка: сочинения Бетховена, Моцарта, Гайдна. Стилизованные образы нарушил только Концерт фюге для скрипки с оркестром Карла Амадеуса Хартмана, чьи музыкальные идеи перекликались с творчеством Малера и Шостаковича. Хартмана открыл Спивакову Леонард Бернштайн, считавший этого композитора непризнанным гением. Концерт фюге (в котором солировал Спиваков) прозвучал как яркий, выразительный акцент, оттенявший классическую стройность программы. Событием стал приезд в Москву пианиста Леонардо Гельбера. Слушая в его исполнении концерты для фортепиано с оркестром Бетховена, хочется говорить не о техническом совершенстве, а о целостности мировоззрения пианиста и классической ясности трактовки опусов. Качество исполнения «Виртуозов Москвы» вызывало в памяти пушкинские строки: «душой исполненный полет». Отдавая дань памяти уходящему тысячелетию, оркестр сыграл при свечах «Прощальную симфонию» Гайдна. В тот момент, когда музыканты стали тушить их, один за другим покидая сцену, в зрительном зале включили свет. Постепенно на сцене становилось все темнее. В финале Спиваков взял скрипку и, освещенный светом мерцающей свечи, доиграл последние ноты.

На юбилейном концерте РНО в начале декабря Владимир Теодорович присутствовал только в качестве зрителя. Поэтому выступление maestro с оркестром, проходившее при содействии фирмы Mercury, воспринималось как логичное завершение празднования юбилея. Концерт еще раз доказал, что если искусство дирижера включает в себя умение увлечь музыкантов своим замыслом и осуществить его в исполнении оркестра, то в этом искусстве у Спивакова мало достойных соперников. В звучании большого симфонического оркестра его дирижерские идеи реализуются наиболее полно. В про-

грамме прозвучала редко исполняющаяся музыка 20–30-х годов. Первоначально в концерте должна была принимать участие известная певица Мария Гурегина. Но после трагических событий, которые одно за другим произошли в России в конце августа, Гурегина переменяла свое решение и отказалась выступать в Москве. Ее место занял скрипач Вадим Репин, которого москвичи не слышали уже лет десять. Прозвучавшие в первом отделении концерта фрагменты балета Прокофьева «Ромео и Джульетта» и Концерт № 1 для скрипки с оркестром (сочинение № 19) убедили публику, что слухи о росте профессионального мастерства Репина вполне соответствуют истине. Второе отделение было целиком отдано французской музыке. Романтические Благородные и сентиментальные вальсы Равеля контрастировали с музыкальной балетной «Бык на крыше» Дарюса Мийо. Сочинение в стиле знойной латиноамериканской музыки было написано композитором (впоследствии одним из членов так называемой Шестерки) во время его пребывания в Бразилии в качестве секретаря французского посла. В исполнении РНО изысканно сочетались латиноамериканский стиль музыки и легкое, ироничное отношение к ее «жгучей страстности».

На следующий день после концертов Владимир Теодорович улетел в Геную, где приступает к репетициям оперы Беллини «Пуритане». После премьеры, которая состоится в январе, он присоединится к юбилейному турне РНО по городам Америки.

Перед отъездом maestro Спиваков согласился дать небольшое интервью.

— Владимир Теодорович, с годами ваши нагрузки становятся все сильнее. Что помогает выдерживать их?

— Мне кажется, что я в последнее время живу какой-то параллельной жизнью. Все время думаю о работе, в перерывах между репетициями что-то ем и пью, не замечая этого. Мысли о музыке не отпускают даже во сне. Силы дает связь с произведениями, над которыми я работаю. Ведь музыка — не просто черные точки на нотном стане. В ней закодированы стиль эпохи и личность композитора. И еще помогает доверие и любовь публики. Она создает очень сильное энергетическое поле, возникающее в зале во время концертов.

— Какая музыка может сейчас стать для вас открытием?

— Для меня становится открытием любое новое сочинение, с которым я начинаю работать. Вникая в партитуру, чувствую себя первооткрывателем. Сразу вспоминаются строчки из дневника Сезанна: «Открывая ставни окна, я не узнаю своего сада. Он

каждый раз выглядит по-новому». Я испытываю похожее ощущение всякий раз, когда прикасаюсь к музыке.

— Вам не жаль, что «Виртуозы Москвы» часто выступают без вас?

— Нет, потому что они работают с очень хорошими дирижерами. Я считаю, что музыканты должны научиться работать в разных стилях с разными интерпретациями музыки. Яков Владимирович Флиер, учившийся у Константина Николаевича Игумнова, рассказывал, что Игумнов часто просил его сыграть Александру Гольденвейзеру какое-нибудь сочинение Бетховена, а Самуилу Фейнбергу Флиер играл опусы Баха. В последнее время все чаще говорят, что классические музыкальные инструменты отжили свой век и невозможно сочинить для них что-нибудь новое. Создал метод додекафонии, Шёнберг считал, что невозможно еще что-нибудь изобрести. Но прошло время, и появились новые идеи. Я очень часто и охотно исполняю произведения современных композиторов. Недавно американская фирма DG выпустила несколько CD с моими записями, которые называются Modern Portrets. Я играю произведения Пендерецкого, Денисова, Пярта, Губайдулиной.

— Давайте попробуем ненадолго отвлечься от вашей музыкальной деятельности. Что еще вы мечтаете сделать в наступающем году?

— Я хочу, чтобы в Подмоскovie, в Пушкино, где служил отец Александр Мень, была построена больница для тяжело больных детей. Я знаю, что он уделял много внимания двум больницам на Ленинском проспекте, где лежат дети, больные раком. Надеюсь, что в Пушкино будет построена больница с самыми современными методами лечения. Я уже договорился с несколькими крупными американскими фирмами, которые готовы поставить оборудование для операционных.

— Какие задачи вы ставите перед собой, начиная репетировать оперу Беллини «Пуритане»?

— Мне очень помогло то, что раньше я часто играл итальянскую музыку, даже получил за это премию Вивальди в Венеции. Стиль пения бель канто — это тот образец, к которому причалю меня мой профессор Юрий Исаевич Янкелевич. Этот стиль предполагает максимальную свободу пения. Постараюсь профессионально продиржировать оперой и раскрыть то, что я слышал в партитуре. Я не имел возможности поздравить «Независимую газету» с юбилеем. Пользуясь случаем, поздравляю всех ее сотрудников. Поздравляю всех с наступающим Новым годом! ■

ПОД ЗАНАВЕС ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

«Виртуозы Москвы» наконец-то в Москве

Независимая газета. 2000. 29 дек. - с. 7

Ольга Романцова

ДЕКАБРЬСКУЮ музыкальную афишу так же трудно представить без концертов Владимира Спивакова, как празднование Нового года без боя курантов. Три концерта, состоявшихся в БЗК, стали настоящим новогодним подарком для поклонников замечательного музыканта и примирили их с критически настроенными скептиками. Концерты стали настоящим путешествием во времени и музыкальным стиле уходящего тысячелетия.

Первые два вечера в БЗК царили «Виртуозы Москвы». В их программе звучала классическая музыка: сочинения Бетховена, Моцарта, Гайдна. Стиливое единообразие нарушил только Кончерто фюнебре для скрипки с оркестром Карла Амадеуса Хартмана, чьи музыкальные идеи перекликались с творчеством Малера и Шостаковича. Хартмана открыл Спиваков Леонард Бернстайн, считавший этого композитора непризнанным гением. Кончерто фюнебре (в котором солировал Спиваков) прозвучал как яркий, выразительный акцент, отпавший классическую стройность программы. Событием стал приезд в Москву пианиста Леонардо Гельбера. Слушая в его исполнении концерты для фортепиано с оркестром Бетховена, хочется говорить не о техническом совершенстве, а о целостности мировоззрения пианиста и классической ясности трактовки опусов. Качество исполнения «Виртуозов Москвы» вызывало в памяти пушкинские строки: «душой исполненный полет». Отдавая дань памяти уходящему тысячелетию, оркестр сыграл при свечах «Прощальную симфонию» Гайдна. В тот момент, когда музыканты стали тушить их, один за другим покидая сцену, в зрительном зале выключили свет. Постепенно на сцене становилось все темнее. В финале Спиваков взял скрипку и, освещенный светом мерцающей свечи, доиграл последние ноты.

На юбилейном концерте РНО в начале декабря Владимир Теодорович присутствовал только в качестве зрителя. Поэтому выступление мастера с оркестром, проходившее при содействии фирмы Mercury, воспринималось как логичное завершение празднования юбилея. Концерт еще раз доказал, что если искусство дирижера включает в себя умение увлечь музыкантов своим замыслом и осуществить его в исполнении оркестра, то в этом искусстве у Спивакова мало достойных соперников. В звучании большого симфонического оркестра его дирижерские идеи реализуются наиболее полно. В про-

грамме прозвучала редко исполняющаяся музыка 20–30-х годов. Первоначально в концерте должна была принимать участие известная певица Мария Гурегина. Но после трагических событий, которые одно за другим произошли в России в конце августа, Гурегина переменяла свое решение и отказалась выступать в Москве. Ее место занял скрипач Вадим Репин, которого москвичи не слышали уже лет десять. Прозвучавшие в первом отделении концерта фрагменты балета Прокофьева «Ромео и Джульетта» и Концерт № 1 для скрипки с оркестром (сочинение № 19) убедили публику, что слухи о росте профессионального мастерства Репина вполне соответствуют истине. Второе отделение было целиком отдано французской музыке. Романтические Благородные и сентиментальные вальсы Равеля контрастировали с музыкой балета «Бык на крыше» Дарюса Мийо. Сочинение в стиле знойной латиноамериканской музыки было написано композитором (впоследствии одним из членов так называемой Шестерки) во время его пребывания в Бразилии в качестве секретаря французского посла. В исполнении РНО изысканно сочетались латиноамериканский стиль музыки и легкое, ироничное отношение к ее «жгучей страстности».

На следующий день после концертов Владимир Теодорович улетел в Геную, где приступает к репетициям оперы Беллини «Пуритане». После премьеры, которая состоится в январе, он присоединится к юбилейному турне РНО по городам Америки.

Перед отъездом мастер Спиваков согласился дать небольшое интервью.

— Владимир Теодорович, с годами ваши нагрузки становятся все сильнее. Что помогает выдерживать их?

— Мне кажется, что я в последнее время живу какой-то параллельной жизнью. Все время думаю о работе, в перерывах между репетициями что-то ем и пью, не замечая этого. Мысли о музыке не отпускают даже во сне. Силы дает связь с произведениями, над которыми я работаю. Ведь музыка — не просто черные точки на нотном стане. В ней закодированы стиль эпохи и личность композитора. И еще помогает доверие и любовь публики. Она создает очень сильное энергетическое поле, возникающее в зале во время концертов.

— Какая музыка может сейчас стать для вас открытием?

— Для меня становится открытием любое новое сочинение, с которым я начинаю работать. Вникая в партитуру, чувствую себя первооткрывателем. Сразу вспоминаются строчки из дневника Сезанна: «Открывая ставни окна, я не узнаю своего сада. Он

каждый раз выглядит по-новому». Я испытываю похожее ощущение всякий раз, когда прикасаюсь к музыке.

— Вам не жаль, что «Виртуозы Москвы» часто выступают без вас?

— Нет, потому что они работают с очень хорошими дирижерами. Я считаю, что музыканты должны научиться работать в разных стилях с разными интерпретациями музыки. Яков Владимирович Флиер, учившийся у Константина Николаевича Игуменова, рассказывал, что Игуменов часто просил его сыграть Александру Гольденвейзеру какое-нибудь сочинение Бетховена, а Самуилу Фейнбергу Флиер играл опусы Баха. В последнее время все чаще говорят, что классические музыкальные инструменты отжили свой век и невозможно сочинить для них что-нибудь новое. Создал метод додекафонии, Шёнберг считал, что невозможно еще что-нибудь изобрести. Но прошло время, и появились новые идеи. Я очень часто и охотно исполняю произведения современных композиторов. Недавно американская фирма DG выпустила несколько CD с моими записями, которые называются Modern Portraits. Я играю произведения Пендерецкого, Денисова, Пярта, Губайдулиной.

— Давайте попробуем ненадолго отвлечься от вашей музыкальной деятельности. Что еще вы мечтаете сделать в наступающем году?

— Я хочу, чтобы в Подмоскowie, в Пушкино, где служил отец Александра Мень, была построена больница для тяжело больных детей. Я знаю, что он уделял много внимания двум больницам на Ленинском проспекте, где лежат дети, больные раком. Надеюсь, что в Пушкино будет построена больница с самыми современными методами лечения. Я уже договорился с несколькими крупными американскими фирмами, которые готовы поставлять оборудование для операционных.

— Какие задачи вы ставите перед собой, начиная репетировать оперу Беллини «Пуритане»?

— Мне очень помогло то, что раньше я часто играл итальянскую музыку, даже получил за это премию Вивальди в Венеции. Стиль пения бель канто — это тот образец, к которому приучал меня мой профессор Юрий Исаевич Янкевич. Этот стиль предполагает максимальную свободу певца. Постараюсь профессионально пролицировать оперой и раскрыть то, что я услышал в партитуре. Я не имел возможности поздравить «Независимую газету» с юбилеем. Пользуясь случаем, поздравляю всех ее сотрудников. Поздравляю всех с наступающим Новым годом! ■